

Неделя. - 1993 - май (сб.) - с. 1.

СОГЛАСИЕ РОЖДАЕТСЯ на НЕБЕСАХ

**ИННА
ЧУРИКОВА
И ГЛЕБ
ПАНФИЛОВ:
С ЛЮБИМЫМИ
НЕ
РАССТАЮТСЯ**

стр. 8-9

— А какая живопись вас согревает? Какую музыку, литературу вы любите? — В живописи меня увлекает все талантливое. Мне близки наши русские художники, «глубокие» реалисты 17–18 веков. И в то же время я очень люблю художников, которые точно чувствуют форму. — Шагала, Кандинского. Мне близки Петров-Водкин и Филонов, Мемлинг, Брейгель и Босх... А, например, Жанну д'Арк я не смогла бы представить себе без картин художников средневековья. Эти миниатюры — изысканные по форме, красивые по цвету — удивительно точно передают атмосферу времени. Инквизиция. Страшные вещи изображаются с веселой вродой бы интонацией: человека сжигают на костре, а вокруг — улыбки, да и сам он как будто не относится к этому все-реш... — Люблю Моцарта. Его гармония утешает. А в литературе... Знаете, я вдруг «заболе-ла» Достоевским. Недавно был момент, когда мне совсем не хотелось читать — я даже этого испугалась. Ведь я воспитана на ли-тературе, ребенком читала и под одеялом, с фонариком. И вот теперь, перечитывая «Преступление и наказание», я открыла такие глубины в Дос-тоевском, о которых и не по-дозревала раньше. Боже мой! Как велико то, о чем он пишет, какие гениаль-ные подробности, связан-ные с поведением, реак-цией персонажей! Я горжусь, что живу на той земле, где жил Достоевский... — Вернемся к фильму. Попро-бовали ли на главную роль другие ак-трисы, поми-мо Чуриковой?

готовилась к предстоящей кинопробе. Спра-ва сидело милое существо. Когда «существо» подняло голову, я узнал в ней ту самую де-вочку, которую видел в телеспектакле! И.Ч. Между прочим, поначалу Глеб пока-зался мне гораздо старше своих лет. Он был очень серьезен, сосредоточен. Но когда он начинал говорить, я завораживалась. Его су-ждения, поступки казались нестандартными, были непонятными для меня. Я все время пыталась разгадать его. Наверное, я влюби-лась в него сразу. — А как домашние отнеслись к тому, что Панфилов стал вашим суженым? — Всякое было... Это довольно непростая история... — И все же сама судьба распорядилась так, чтобы вы обрели друг друга? Инна Михайловна, а у вас не было во время съемок чувства страха? Ведь вы, актри-са ТЮЗа, вступали в совершенно новую полосу жизни.

— У меня дух захватывало от счастья, было огромное чувство радости, и я не думала о результате. Работа доставляла мне огромное наслаждение. У меня изменилась вся жизнь. Она как бы продвинулась вглубь, время сме-стилось: либо я существовала в настоящем, либо в 1918-м году... Помню, когда картину показывали первый раз на «Ленфильме» (в зале — коллеги, работники студии), у меня так сильно билось сердце, что мне казалось: стук сердца заглушает звук картины. Я страшно боялась, что люди ничего не услы-шат, что не поймут моей роли. Эта картина была для меня огромной школой. Потому что Глеб очень тонко чув-ствует правду и малейшую фальшь. Именно тогда я постигла для себя одну очень важную вещь: обязательно нужно все говорить только своим голосом — тихим голосом, может, не очень вырази-тельным, но обязательно своим — в меру того, что чувствуешь... — Глеб Анатолевич, ваши фильмы всегда по-этичны и в то же время глубоко гражданствен-ны. А в вас самом не было ли — пусть тайно, недолго — дух дис-сидентства?

зал фотопробы из фильма. Он вызвал Толю на пробы и утвердил. После этого — «В огне брода нет». Евстрюков — персонаж с харак-тером Солоницына. Искренний, самоотвер-женный, честный. Толя не играл никого. Это он сам в предлагаемых обстоятельствах. Михаил Андреевич Глузский... Он был моим любимым актером. То, как он сыграл есаула Калмыкова в фильме Герасимова «Тихий Дон», поразило меня. В моем первом полнометражном фильме Михаил Андреевич не только оправдал ожидания, но и превзо-шел их. Это щедрый человек, который де-лился со мной, дебютантом, своим огромным опытом, помогал в трудную минуту. Талантливый Вадим Бероев, рано ушед-ший от нас... В картине была важная тема: художник и революция. Мы с Евгением Ио-сифовичем Габриловичем понимали, как сложно решить ее на экране. Ясно, что кар-тинки за исполнителями может нарисовать настоящий художник. Но дело ведь не в том, каковы картинка, главное — раскрыть харак-тер человека, художника по призванию. И вот в качестве профессионального художни-ка, фактически наставника Тани Теткиной, в фильме фигурирует Вася Мостенко в испол-нении Вадима Бероева. Роль небольшая, но чрезвычайно существенная. Должен при-знаться, что Вадима я знал раньше, и для ме-ня было ясно, что эту роль должен сыграть именно он. За Вадимом интересно наблю-дать, интересно его слушать... Бероев — ак-тер широкого диапазона, сыгравший в кино, к сожалению, гораздо меньше, чем он мог сделать. — Мне особенно приятны ваши слова о Бероеве, поскольку в честь него родители назвали меня Вадимом.

сыграл маленькую роль врача санитарного поезда, — это выдающийся актер Свердлов-ской оперетты Анатолий Григорьевич Оле-нич. Я знал и любил его с детства. Он на-стояще поразило тогда мое воображение, че-поработав инженером и став, наконец, ре-жиссером, я вспомнил о нем. Поехал в Свердловск и добился его согласия... — А как к фильму относятся ваши 14-летний сын? Дети сейчас ироничны по отношению к прошлому. — Раньше он выключал телевизор, когда маму «убивали», начинал рыдать в финале картины «Начало», когда маму «сжигали» на костре... — Ваш дядя со стороны выглядит очень гармоничным. Вы и работаете так легко, спокойно, без конфликтов? И.Ч. Думаю, да. Конечно. Это связь гар-моничная. Бывают разночтения, естествен-но. Но все-таки, скорее, это исключения из правил. Г.П. Правда, на самой начальной стадии работы Инна бывает несогласна со мной, не понимаю, почему я предлагаю ей эту роль. Скажем, так было с Вассой Железновой. Первая ее реакция — отказ. Какая я Васса? Вот Вера Николаевна Пашенная играла в Малом театре — это другое дело. Я не давил, стал объяснять. Во-первых, Васса — не Же-лезнова, это фамилия мужа, а она — Храпова. Вообще-то прототип Вассы — некая купчиха Кашина, которая была очень мягкой по на-туре. Так вот это — ты. Потом напомнил, что у Лескова есть замечательное высказыва-ние по поводу русского характера: русские — это тесто, но тесто топором не разрубишь. И это опять — ты. Мягкая сила. И.Ч. После того как мы начали фантази-ровать, после того как я поняла, что Васса любит своего мужа единственной сильной любовью, что она любит свой дом, своих де-вочек, после того как мы стали слушать ро-мансы, которые слушала Васса, я сказала: давай попробую. — Горьковская Ниловна тоже, на пер-вый взгляд, далека от вашей индивиду-альности, Инна Михайловна. — Вот тут как раз, пожалуй, больше природного совпадения с моим характером. Ниловна очень близка мне. Тем, что она простодушна, наивна, как ребенок. Тем,

МЯГКАЯ СИЛА

О себе Инна Чурикова и Глеб Панфилов рассказывают редко и неохотно. Возможно, они правы. У художника должна быть тайна, которую порой убивает чрезмерная доступность.

Для программы 4-го Остан-кинского канала «Мотор!..» мы снимали сюжет, предваряю-щий показ картины «В огне брода нет». Недавно фильму исполнилось 25 лет. Это пер-вая совместная работа Чурико-вой и Панфилова, их общее Начало. Кто знает, как сложи-лась бы не только личная, но и профессиональная судьба Ин-ны Михайловны и Глеба Ана-тольевича, удалось бы этим двум крупным художникам ре-ализовать себя в полной мере, не будь той знаменательной встречи.

Беседовали в «Ленкоме», в узкой, тесной гримерной Инны Михайловны. Пока устанавли-вались камера и свет, мы об-щались в коридоре. Аура доб-роты и обаяния, которую излу-чала Чурикова, подкреплялась открытостью и доверительно-стью Панфилова (мне всегда казалось, что у него совсем иной имидж — человека замк-нутого, сурового, жесткого). Позже Глеб Анатолевич при-знался: о том, как судьба све-ла его с Инной Михайловной, они поведали журналисту впервые.

Г.П. У меня были свои мысли, и они не всегда совпадали с официальными. Стало быть, потенциально я мог считать себя дис-сидентом. — Ну, а в творчестве вы как-то пыта-лись это реализовать? — Знаете, ни о каком диссидентстве я не думал. Просто пытался выразить то, что ме-ня волновало. Скажем, волновала Таня Тет-кина, и я сделал фильм о ней. Фильм, кото-рый не вызвал особой радости у начальства. Но все равно был принят и, пусть со скри-пом, появился на экране. И.Ч. Правда, уже после следующей нашей картины — «Начало». Г.П. Как ни странно, фильм «В огне брода нет» показывали в Ленинграде, но запрети-ли в Москве. Картина считалась антисоветской. Сейчас в это трудно поверить... Говорили: очень неопорно одеты военные. Но ведь главное, что о за этой бедной и подчас неоп-орной одежде скрывается, какие замеча-тельные люди как сердце. — У вас подобралась великолепная ак-терская команда. Для успеха картины, особенно дебютной, условие немаловаж-ное. — Это действительно были люди из одного «санитарного» поезда. При всем разнообра-зии индивидуальностей они имеют нечто об-щее, их объединяющее. И.Ч. Все актеры в этом фильме были для меня родными, уникальными, очень близки-ми людьми. Мне посчастливилось встре-титься и прожить этот участок пути с Мишей Кононовым, актером редкого, тонкого дара, искренним и озорным, с детским озарением и чувством трагического. Я хочу, чтобы он чаще снимался и был здоров. Я полюбила Толю Солоницына (комисса-ра Евстрюкова). Ждала, когда он придет. Слушала каждое его слово... Г.П. Для меня Толя Солоницын — особый актер. Мы с ним начинали в Свердловске: он — после театрального училища, а я, инженер, после политехнического института. Когда я решил снять короткометражный фильм «Дело Курта Клаузевица» по своему сценар-ию, то пригласил на главную роль Толю. Я предложил его Андрею Тарковскому (тот собирался снимать «Андрея Рублева»), пока-

что по природе не бунтарка и находится в гармонии с миром. Но любовь к сыну как бы перенесла ее в другой мир, и она пошла туда — тихо, скромно. Материнская любовь составляет, мне ка-жется, смысл жизни каждой русской жен-щины. В этом плане мы отличаемся, наверно, от западных женщин. Там детей выпускают из родительского гнезда, как только они подрастают. А в России матери связаны пу-повиной со своими детьми до конца дней. Может, это даже и плохо. — А вы когда-нибудь позволяете себе просто расслабиться, забыть о делах? — Конечно. Знаете, для меня огромное счастье, когда я могу гулять по лесу, слушать лесную тишину. Особенно ранней весной, когда природа начинает чуть-чуть пробуж-даться, поглаживает снег, поют птицы. В эти минуты хочется побыть одной... У меня по-требность души — оказаться в лесу именно в эту пору. А если по каким-то причинам не удается выбраться в лес, то год для меня не-полноценен... Вообще, я обожаю путешествовать, но Глеб не очень любит менять обстановку, он домосед. Жизнь стала невероятной. Люди до сих пор не придумали ничего более «инте-ресного», чем воевать друг с другом, убивать своих близких. И в Гагре, и в Пизудне все разрушено, а мы так любили бывать там. — Вместе на съемочной площадке, вме-сте на репетициях, дома. Может, это и есть идеальная семья? — Нам очень интересно вместе. Я даже не знаю, есть ли еще такие люди, как Глеб... Вадим ВЕРНИК.

Неделя. — 1993. — март (14). — С. 8-9

Меня приятно поразило, насколько фильм «В огне брода нет» мощно и сильно звучит сегодня. Искрен-ность персонажей, их вера, чистота души — качества, которые сейчас все больше утрачи-ваются, но без которых нам не выжить. И все же прошло четверть века. У вас самих изме-нилось ли отношение к революционной теме, к героям, предстающим в фильме в романтиче-ском ореоле? Глеб Панфилов. Знаете, к революцион-ной теме как таковой я всегда был равноду-шен. Мы делали фильм о людях, которые участвовали в революции, и в этом смысле старались показать интересных людей. Ко-нечно, изменилось мое отношение к руково-дителям революции и к тем, кто благодаря ей обрел власть. А вот к рядовым участникам я отношусь по-прежнему свято. Дело в том, что у революции были пре-красные лозунги. Она обещала простым лю-дям хорошую жизнь. Поэтому не удивитель-но, что такие люди, как Таня Теткина, ко-миссар Евстрюков, Вася Мостенко, отклик-нулись на ее призывы и жертвовали всем, в том числе и собственной жизнью, во имя, как принято было говорить, идеалов рево-люции. Такие люди украшают жизнь, они всегда востребуются в дни испытаний, будь то ре-волюция или война. Именно такие люди от-кликнулись и защищали Белый дом в августе 1991 года. Правда, прошло немногим больше года, а сейчас они уже не нужны. На аван-сцене — люди совершенно иного типа: де-ловые, целеустремленные, прагматичные. Ес-ти среди них и просто бесы. Впрочем, это уже другая тема. Инна Чурикова. Для меня этот фильм — не идеологический. Это фильм — о прекрас-ной душе. О святой душе. Таня Теткина оли-цетворяет любовь ко всему на свете: и к че-ловеку, и к правике, и к закату. И к собаке, и к звездам. Любовь сочетается у нее с удив-лением и состраданием. Когда второй ре-жиссер Геннадий Беглов привез мне сценар-ий и попросил прочитать сразу, в его при-сутствии, и тут же сказать, как я к этому сценарию отношусь, — я, помню, пошла на кухню, и только открыла первую страничку, как тут же погрузилась в этот замечатель-ный, неповторимый мир, с которым раньше

«Таня Теткина». Так ее нарисовал Глеб Панфилов.

мне не приходилось встречаться. Я плакала, смеялась и совсем забыла о Беглове. Я работала тогда в московском ТЮЗе, иг-рала зверей — и домашних, и хищных, людей не играла. Я поняла, что судьба протягивает мне руку, и мне необходимо поздороваться с ней. Прошли годы, но мое отношение к фильму, к моей Тане Теткиной осталось прежним. — А кстати, это персонаж реальный? — Г.П. Нет, выдуманный. У Евгения Габ-риловича в журнале «Красная новь» за 1939 год был опубликован рассказ «Случай на фронте». В библиотеке Союза кинематогра-фистов я вдруг наткнулся на этот рассказ, который меня поразило. Поразило настолько, что я мысленно все время возвращался к не-му и, наконец, понял, что это хорошая основа для фильма. Обратился к Евгению Иосифо-вичу. Он сказал: у меня времени нет, начните писать сами. Я рискнул. Показал написанное Габриловичу. Ему понравилось. И тогда уже вместе, сидя друг против друга, мы дописали сценарий. — Инна Михайловна, вы рисуете? — И.Ч. Рисую, но довольно редко. — Революционный авангард художника Тани Теткиной вам близок? — Да, близок.